

ГОСТЬ
ТРИНАДЦАТОЙ
СТРАНИЦЫ

— Валерий, как бы вы ответили на вопрос: кто вы?

— Я не знаю ответа на этот вопрос. — А когда вы знакомитесь с человеком, как вы себя рекомендуете?

— Дело, может быть, в том, что я уже достаточно отрекомендован незнакомым людям за все прошедшие годы, поэтому нет нужды при знакомстве еще как-то себя представлять. Я помню, в 1979 году французский импресарио смотрел артистов в Москве, и я пел на этом просмотре, так он сказал: "Животное для сцены". Во французском языке есть такой термин, он звучит не так оскорбительно, как по-русски, с его помощью он и выразил мою суть. Я запомнил и часто вспоминаю. Животное для сцены — может, это и есть главное определяющее качество. Потому что за пределами сцены жизнь действительно не очень веселая и интересная. Живешь как раз в том, что придумываешь, делаешь, теми счастливыми или несчастливыми минутами, которые проходят на сцене.

— У вас был в жизни момент, когда вы вдруг повзрослели, стали мудрым?

— Я еще не испытывал ощущения, что стал очень взрослым. То есть иногда возникает чувство, словно я живу уже лет сто пятьдесят, а потом вдруг — что ничего еще не успел сделать. Но эти крайности в мироощущении, мне кажется, свойственны всем художникам: то чувствуешь себя беспомощным щенком, не знающим, как жить, какой предпринять следующий поступок; то вдруг полностью уверен в себе. Но все-таки неуверенность довлеет над остальным.

— Вы боитесь возраста?

— Не самой цифры я боюсь, а тех неудобств, которые связаны с возрастом: болезни, недомогания, быть в тягость кому-то, невозможность осуществлять какие-то свои начинания, идеи — то есть старость с ее физическим бременем.

— Говорят, у каждого человека есть возраст, в котором он и пребывает всю жизнь. Один остается пятнадцатилетним подростком, другой — яшнллетним мальчуганом, третий ощущает себя трехсотлетним, а у вас есть такой потаенный возраст?

— Мне бы хотелось быть тридцатилетним. На мой взгляд, это то время, когда многое узнал, но многого еще не знаешь и тебе еще интересно. С пониманием возраста происходит какая-то неразбериха. Вроде как официально человек объявлен ученым венцом творения. А при детальном рассмотрении мы видим, что венец творения до 30 лет еще не соображает, что ему делать, как быть, а после пятидесяти лет уже не соображает, потому что начинаются болячки и нужно думать о том, как оборудовать нору, где тихо и спокойно умереть. Остается этот крохотный интервал — от 30 до 50, когда человек здоров телом и духом, и уже достаточно много знает, и приобрел профессию. Казалось бы, самое удобное время для самореализации, но далеко не все успевают это сделать.

— А ради чего?

— Хотя бы ради себя, ради того, чтобы хотелось встать завтрашним утром и что-то сделать, а не проклинать все на свете, в том числе нелюбимую работу.

— Вы любите азартные игры?

— Нет, я даже в дурака никогда не играю — карты в руки не беру. В Лас-Вегасе был, в Монте-Карло, в Атлантик-Сити. Играл в рулетку, но только для того, чтобы отметить, чтобы знать для себя: играл, мол. Продул доллары пятьдесят и ушел спокойный, не испытав ни азарта, ни желания остаться, отыграть. Я понимаю эту страсть, но не подвержен ей.

В Лас-Вегасе я был на шоу и, конечно, позавидовал техническим возможностям, которыми они обладают, но само шоу показалось мне страшным нафигалином. Груды камней, великолепные костюмы, ткани. Я смотрел "Гибель Титаника". На сцене была настоящая гибель "Титаника":

и переменчив и мудр, как настроения. Кажется, вся жизнь с ним прошла. И я уже состарилась. А он — как мальчишка, которого за шалости выставили из класса, пока я выжиливала аттестат, — вновь и вновь врывается в жизнь, чтобы взрывать мое добротпорядочное существование. Я смотрю на Майкла Джексона и завидую себе: у меня есть Валерий Леонтьев.

машинное отделение парохода, в котором проваливается стена, оттуда хлещет водопад, все заливают, люди гибнут, все взрывается. И это происходит перед носом у первого ряда зрителей! Но певцы и хореография, к моему удивлению, оказались очень и очень средними.

— Почему вы назвали свое шоу "Полнолуние"?

— Шоу носит мистико-романтический характер, и состояние полной луны, мне кажется, наиболее точно отражает мои ощущения от того, что происходит в жизни.

— Это связано с тем, что вы родились под знаком Рыб?

— Не знаю, я весь этот бред не читаю и не смотрю на этих тетек и дядек, которые по вечерам в колпаках рассказывают, куда завтра выходить, с кем встречаться, когда кого любить. Но на полную луну мне хочется смотреть. Она меня притягивает.

— Во сне разговариваете?

— Говорят, да. Мне недавно приснилось, что публика уже два часа сидит в зале, а я еще гримерную не могу найти. Наверно, кричал во сне: где гримерная?

— У вас была встреча со Святославом Рерихом в Индии?

— Да, он как раз был в городе, где я выступал. Ему сделали операцию, и он жил в отеле, а я попросил нашего культурного атташе устроить мне встречу. Честно говоря, было не-

Валерий Леонтьев

"...То чувствуешь себя беспомощным щенком, не знающим, как жить, то вдруг полностью уверен в себе".

шоу "Полнолуние". Потом что-то следующее. Я на протяжении многих лет слышу странное слово "отпуск", особенно в период август-сентябрь. Вокруг звучит это слово. А я просто отвлеченно фантазирую, что бы я делал в отпуске. Последний мой отпуск был, когда я работал чертежником в проектно-институте, году в 1969-м, и я уже забыл, что это такое.

— У вас был спектакль — рок-опера "Джордано Бруно". Вас привлекают страдалцы?

— Меня привлекают не столько сами страдалцы, сколько то, что они дают возможность артисту пострадать. Дают профессиональный материал. Мне кажется, любого актера притягивает образ человека, у которого конфликт со временем, с обществом, человека неустоенного, с трагической судьбой.

— Вам в детстве кого-нибудь ставили в пример?

— То ли Павлика Морозова, то ли Володю Дубинина, не помню. Я не пошел ни в того, ни в другого. Занимался другими книжками.

— Вы много курите. Сигарета для вас — это что?

— Сигарета — это вред. То, от чего я хочу избавиться. Я пробовал — не курил год. Мне весь год снилось, что я закуриваю. Потом просто устал бороться с собой. Тем более, что курю уже много лет. Интересно, что говорит о вас человек после вашего ухода?

— Я себя уговариваю, что мне безразлично, хотя на самом деле, конечно, нет. Но имидж звезды предполагает такое отношение: говорите, что хотите. Потому внешне я играю по правилам: мне все равно.

— В общении с человеком вы стараетесь подыграть собеседнику или предпочитаете, чтобы он подстраивался под вас?

— Я подстраиваюсь под собеседника, потому что заранее, еще не зная человека, уже предполагаю, что он хороший, даже не предполагаю — это для меня как данность. Меня знакомят, а я уже к нему расположен. Идет такой самогипноз: если я заранее себе внушу, что он хороший человек, значит, я уже соответствующим образом разговариваю, веду себя так, чтобы ему было комфортно. Наверно, это непрактичная точка зрения — считать человека хорошим, но тут уж ничего не поделаешь.

— Вам часто признаются в любви. Это как-то меняет психологию человека, его мироощущение?

— Не мироощущение это меняет, а отношение к признаниям. В худшую сторону. Насколько мало стоят слова, как легко ими бросаются — бумага все стерпит.

— У вас бывают моменты, когда вы чувствуете в себе проявления женской природы?

— Да, наверно, это уступчивость — меня легко уговорить на какую-то акцию, встречу.

— А чем вызваны ваши неожиданные откровения по поводу склонно-

— Бакс. Он дог. Когда мне подарили щенка, я назвал его Адам. Но потом лег спать, а он остался на ночь в коллективе — это было на гастрольях, — и когда я проснулся, мне сказали: какой еще Адам, мы его назвали Баксом. Баксом так Баксом.

— Вам, столь интересно мыслящему человеку, не скучно в мире эстрады?

— Меня уже несколько лет не покидает ощущение, сродное ощущению известного итальянского актера Уго Тоньяцци, который, прощаясь с кинематографом, разочарованно сказал: "Кино — это буря в тазике с водой".

Но кино — более трудоемкий, совершенный, сложный вид искусства, чем эстрада. Я могу заявить со всей серьезностью, поскольку снимался в кино — прошлое лето полностью отдал кино, снимаясь в картине "Экстрасенс", которая благополучно лежит на какой-то полке. И физически, и духовно это гораздо сложнее. Может быть, такое ощущение оттого, что в своем жанре я знаю все ходы и выходы, а в кино — новичок.

Но если Уго Тоньяцци сказал такое о кинематографе, то что же можно сказать о нашем жанре? Возникает иногда горькое чувство разочарования, вернее, даже не разочарования, а такое ощущение, что существуют другие, более интересные сферы человеческой деятельности: литература, балет, театр, наука с ее бесконечными возможностями поиска нового...

— Не бывает жаль, что не можете попробовать себя и там, и там?

— Бывает, особенно когда задают вопрос: если бы все сначала, вы бы пошли по тому же самому пути? Я отвечаю: если бы я сохранил весь свой опыт и оказался двадцатилетним, далеко не уверен, что пошел бы по этому пути. Это просто то, что лежало на поверхности: был голос, была способность к пародированию, к подражательству, я легко воспроизводил голоса известных певцов — сам для себя.

Если бы копнул глубже,

возможно, занялся бы чем-то более серьезным. Мне очень интересны научные публикации. Старюсь постоянно ловить информацию о достижениях науки... Были литературные опыты в детстве-юности, разумеется, этого нигде и никто не публиковал. Нужно было бы учиться долгие годы, делать попытки напечататься... Мне казалось, что это очень сложный путь, конец которого не виден. А вот то, что я умею петь, это я сейчас умею.

— Вы интересовались, кем были в прошлой жизни?

— Чисто умозрительно — да, интересно было бы узнать. Хотя однажды я даже предпринимал такую попытку, но не провоцировал ее — меня застали. Я был в очередной раз в Индии, в одной общине, где мне предлагали вообще прописаться, остаться. У них есть официальная единица — психолог, который распознает всевозможные реинкарнации: кто кем когда был. И меня тоже потащили на этот опыт, но я считаю, что он не удался, может быть, потому, что все делалось через переводчика, — не достигли нужной глубины контакта, если это было вообще возможно.

— Вы от этого страдаете?

— Нет. У меня достаточно проблем и хлопот от того, кто я сейчас.

— А тишите себя надеждой, что со смертью человек не кончен?

— Да. Тешу надеждой. Но кроме того, во мне присутствует и нечто сродни уверенности. Потому что если смерть обрубает все предшествовавшее существование, то стоило ли огорд городить? Уж больно мало и больно ни к чему.

Беседовала Алла ПЕРЕВАЛОВА.

Фото Виктора АХЛОМОВА.